

УДК 355.01

DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-2-0-4

Яницкий О. Н.

Великая Отечественная война 1941-1945 гг. глазами подростка

Институт социологии Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН
ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5, г. Москва, 117218, Россия
oleg.yanitsky@yandex.ru
ORCID iD: 0000-0002-0409-5065

*Статья поступила 12 февраля 2020 г.; принята 2 мая 2020 г.;
опубликована 30 июня 2020 г.*

Аннотация. В статье излагается и подводятся итог воспоминаниям нескольких подростков времен Великой Отечественной войны 1941-45 гг. (далее ВОВ). Автор, опираясь на письменные (десятки семейных архивов) и устные (in-depth interviews and oral histories) источники, излагает взгляд 8-12-летнего подростка на события той войны и, прежде всего, в тылу страны. В то время *фронт и тыл были неразделимы*, и все, что происходило на фронте, так или иначе проявлялось и отражалось на тыловой жизни воюющего народа. ВОВ изменила общественное сознание всех слоев населения и национальностей, живших тогда в СССР, причем не только в ходе самой ВОВ, но и много после нее. В статье выделяются следующие разделы: (1) страшные следы войны; (2) общение подростка с ранеными в госпитале; (3) повседневная жизнь тылового города (улица, двор, дом); (4) последствия ВОВ глазами подростка; и (5) великая Победа и последующее время. Отмечается, что по сравнению с периодом ВОВ сегодня гражданская оборона сильно отстает от разрушительного потенциала новой войны, а население больших городов всецело полагается на силы МЧС, тогда как полное название этого могущественного ведомства «Министерство по чрезвычайным ситуациям и гражданской обороне». Утверждается также, что отечественная социология по-прежнему избегает исследования скорости, форм и социальных последствий современных войн. Социологии нужна современная, нелинейная и вероятностная методология и теория исследований, отвечающая характеру произошедших в мире кардинальных перемен. И – соответствующие методы полевых исследований и практических предложений, в том числе информационных и биосоциальных с тем, чтобы предотвратить саму возможность новой войны.

Ключевые слова: адаптация; ВОВ; гражданская оборона; общение; подростки; вероятностная социология; фронт и тыл; Россия

Информация для цитирования: Яницкий О. Н. Великая Отечественная война 1941-45 гг. глазами подростка // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6, № 2. С. 51-61. DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-2-0-4

Oleg N. Yanitsky

The Great Patriotic War of the 1941-1945 through the Eyes of a Teenager

Institute of Sociology, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences
bld. 5, 24/35 Krzhizhanovsky St., Moscow, 117218, Russia
oleg.yanitsky@yandex.ru
ORCID iD: 0000-0002-0409-5065

*Received February 12, 2020; accepted May 02, 2020;
published June 30, 2020*

Abstract. The article summarizes the recollections of teenagers of the times of the Great Patriotic War of 1941-1945 (hereinafter the GPW). Based on the written sources (dozens of family archives) and oral sources (the in-depth interviews and oral histories) the author characterizes the view of an 8-12-year-old teenager on the events of the GPW, first of all in the rear of the USSR. In those times, the front and the rear were inseparable. Everything that happened at the front, one way or another manifested and reflected on the rear life of the warring people. The war changed the public consciousness of all segments of the population and nationalities then living in the USSR, and not only during the Second World War itself, but also much after it. The following sections are highlighted in the article: (1) terrible traces of the war; (2) communication of the teenager with the wounded in the hospital; (3) the daily life of the rear city (street, yard, house); (4) consequences of the Great Patriotic War through the eyes of a teenager; and (5) the great Victory and beyond. It is noted that, compared with the period of the Great Patriotic War, civil defense lags far behind the destructive potential of a new war, and the population of large cities rely entirely on the forces of the Ministry of Emergency Situations, while the full name of this powerful agency is “Ministry of Emergency Situations and Civil Defense”. It is also argued that domestic sociology still avoids investigating the speed, forms, and social consequences of modern wars. Sociology needs a modern, non-linear and probabilistic methodology and research theory that meets the nature of the dramatic changes that have occurred in the world. Besides, it needs appropriate field research methods and practical suggestions, including informational and biosocial ones, in order to prevent the very possibility of a new war.

Keywords: adaptation; civil defense; communication; front and rear; sociology; teenagers; Russia

Information for citation: Yanitsky, O. N. (2020), “The Great Patriotic War of the 1941-45s through the Eyes of a Teenager”, *Research Result. Sociology and management*, 6 (2), 51-61, DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-2-0-4

Введение (Introduction). История Великой Отечественной войны давно написана для чего были созданы научные институты, в них были собраны лучшие научные силы СССР и России. Тем не менее, история ВОВ продолжается не только потому, что российские ученые и следопыты находят все новые захоронения советских сол-

дат и другие свидетельства о ней. Эта история стала сегодня частью актуальной глобальной повестки дня, предметом политических спекуляций наших давних политических оппонентов.

Казалось бы, что в этих условиях может вспомнить подросток о той войне, когда ему было всего 8-12 лет тем более, если

он был из интеллигентной московской семьи? Оказывается, довольно много, в частности потому, что именно та война мобилизовала все его и его друзей, и коллег воспоминания о начале и ходе ВОВ, а также о первых послевоенных годах.

Но предварительно маленькое предисловие. Сегодня чем ближе 75-летняя годовщина окончания ВОВ, тем больше СМИ пишут и говорят о самой войне и тех, кто воевал на фронте. Но в те годы *фронт и тыл были неразделимы*, и я не совсем понимаю, почему о труде и жизни в тылу пишут так мало. Конечно, о том, как в те годы трудились советские люди в тылу, я сказать могу очень мало, слишком отрывочными были те сведения, которыми располагал я и мой сверстники.

Вот неполный перечень моих личных источников: ежедневные сводки Совинформбюро по радио, газеты и журналы, научная и популярная литература, которая была у нас дома. Одна беседа И. Сталина с немецким писателем Э. Людвигом чего стоила, тем более что до начала войны СССР и Германия заключили пакт о ненападении, а книга А. Гитлера «Моя борьба» была издана на русском языке и продавалась!

Но были и другие источники – это домашние беседы родственников и друзей моих родителей и родителей моих сверстников. С родителями я посетил Киев всего за неделю до начала войны! Я слушал разговоры моих родных и их друзей все четыре военных года и потом еще много лет после. И хотя, как только началась война, все радиоприемники были конфискованы, кое у кого они все же остались, и никто мне не запрещал слушать передачи на русском и немецком (забыл сказать, что до войны родители меня интенсивно учили немецкому языку). Уже в конце ВОВ и после ее окончания в беседах за чайным столом в семейной или академической среде (почти все мои близкие родственники работали в Академии Наук СССР) я получил возможность задавать вопросы и переспрашивать, если я чего-то не понимал, и это тоже дало мне

очень много. Сегодня вопросы современной войны и выживания человечества меня интересуют более чем что-либо другое.

Методология и методы (Methodology and methods). Я рассматриваю войны как неотъемлемую составляющую всего исторического процесса. Поэтому индивиды и группы ввремя войны и после нее – такая же часть методологии, как и принципы исследования мирного времени. Далее, сегодня, когда мир, в результате создания новых технологий и вооружений, «сжался» во времени и пространстве (я имею в виду процесс инверсии социального пространства), поэтому разделение на мирное и военное время, на фронт и тыл становится все более условным. И так было всегда, в том числе в годы Великой Отечественной войны. Поэтому и тогда, и сейчас «мирное» и «военное» время необходимо рассматривать в единстве. Сегодня пришло время создавать новую, «вероятностную» социологию, учитывающую нелинейный и динамический характер быстротекущих перемен. Это не означает, что я отрицаю все сделанное российскими социологами. Но время создания вероятностной методологии социологического анализа уже пришло. Наконец, сегодня природные, социальные и технические системы и процессы столь тесно связаны, что без междисциплинарного анализа нам не обойтись.

Что касается методов, то все они хороши, если они отвечают темпу и характеру быстротекущих перемен. Я предпочитаю качественные методы, которые дают возможность изучать социальные процессы изнутри, в деталях их динамики и трансформаций, но я несколько не отрицаю важности метода «Больших данных». Методология и методы – не вещь в себе, они должны быть подчинены задачам сохранения мира и развития всего человечества.

Источники. Таковыми были личные и семейные архивы семей друзей и родственников моих родителей, плюс, естественно, мои личные воспоминания и представления. Использовался мною также метод «устных историй» (oral histories), а также

более 300 глубинных полу-структурированных интервью, которые я или мои коллеги брали у членов российского экологического и других социальных движений в течение почти 30 лет.

Это были также архивы, как минимум, трех семей: Кобяк (Кобяк, 2001), Яницких (Яницкий, 2012), и Шмидтов (Глико, 2011; Корякин, 2011). К счастью, большая часть этих архивов сохранилась, благодаря усилиям родных и близких этих семей, в частности моего отца и родственников семьи Аллы (старшей), Любы и Аллы (младшей) Кобяк-Стоговых. В статье (по мере необходимости) я привлекал такой мощный источник информации и исторического подхода как дневники акад. В. И. Вернадского, которые он вел каждый день в течение более 70 лет. Эти дневники были снабжены обширными комментариями В. П. Волкова, моего школьного товарища, позволяющими включить идеи и мысли Вернадского в исторический контекст нашей страны. Помимо упомянутых выше источников, эти дневники и комментарии к ним позволили мне создать довольно полное и разнообразное представление о том трудном времени, которое касается нас всех до сих пор. И, наконец, чудом уцелевшие некоторые газеты времени ВОВ.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). В первые дни войны. Как только В.М. Молотов объявил о нападении фашистской Германии на СССР, жизнь Москвы и ее облик резко изменились. Тем и здесь открывались мобилизационные пункты, началось формирование фронтовых добровольческих подразделений, вокруг города были выставлены военные и милицейские кордоны, быстро создавались контрольно-пропускные пункты, население рыло траншеи. Москва быстро опустела, хотя карточная система была введена позже, но в магазинах продуктов было мало. Вся городская жизнь сосредоточилась в нескольких местах: на предприятиях, мобилизационных пунктах и на вокзалах столицы. Как я узнал много позже, даже театральные коллективы

почти сразу же перешли на мобилизационный режим, готовясь к работе в «полевых условиях», т.е. во фронтовых бригадах.

Также в считанные дни изменилась жизнь многих московских семей, включая и нашу. Мама пропала в больнице, где готовились к приему раненых, закупились необходимые лекарства и другие медикаменты. Мамина ближайшая подруга, тоже врач, стала работать в службе Скорой помощи Москвы, где проработала почти всю войну. Населению было рекомендовано готовиться к эвакуации, и она в скорости началась, так что все вокзалы восточного направления были переполнены днем и ночью. Моя сестра, хотя у нее был маленький ребенок, была мобилизована на трудфронт, т.е. на рытье траншей, окопов и противотанковых эскарпов. Мой отец (которому тогда было уже за 50) вместе с жильцами нашего дома попеременно дежурил по ночам на его чердаке для того, чтобы тушить зажигательные бомбы или сбрасывать их вниз.

Населению Москвы было рекомендовано заклеивать окна бумажной лентой крест-накрест, чтобы не пострадать от осколков стекла при взрыве бомбы. Двоюродный брат хотел стать добровольцем, но узнав в мобилизационной комиссии, что он закончил МВТУ им. Баумана, его тут же направили его в Ижевск на оборонный завод, где они с женой проработали почти до конца ВОВ. Так как радиоприемники у жителей города были конфискованы, их вернули только после окончания ВОВ. Так что единственными источниками информации о положении на фронтах были уличные репродукторы и домашние «черные тарелки», т.е. те же репродукторы, служившие людям много после окончания ВОВ.

Но были не только уличные репродукторы и домашние «тарелки». ВОВ была далеко не первой войной, которую вели советские солдаты, достаточно вспомнить финскую кампанию 1939-40 гг. Поэтому еще перед началом ВОВ или во время нее были сняты лучшие советские фильмы. Такие как «Два бойца», «Парень из нашего города»,

«Жди меня», «Машенька», «Актриса», «Жила-была девочка» и многие другие, которые мы смотрим и сейчас. Кто-то хорошо сказал: одними речами войну не выиграть. Люди должны бороться за что-то родное, прекрасное и за свое и общее будущее. Не только непрерывно воевать, но и отдыхать после боя. Всего с начала ВОВ и до 1 октября 1941 г. было призвано 14 млн. чел. (Жигунов, 1990).

В первые дни войны И. Сталин поручил моему дяде (он тогда был первым вице-президентом Академии Наук СССР) организовать эвакуацию Академии Наук на Восток, которую надо было выполнить в кратчайшие сроки. Уже много после войны я понял, какой сложной и разнообразной была эта работа: предстояло эвакуировать и разместить на новом месте не только научные институты и их персонал, но и все их оборудование, включая опытное производство. И не просто «разместить», а быстро начать работу на новом месте, когда еще не было крыши над головой, а достать нужный инструмент, прибор или реактив было проблемой. Подобная проблема была и с многочисленным научным персоналом, его надо было разместить (часто в разных городах и даже в разных республиках СССР), но рядом с теми подразделениями, где люди работали, накормить их, организовать их доставку к месту работы и т.д. Примечательный факт: сразу после начала ВОВ большая группа крупнейших ученых АН СССР вместе с их семьями и детьми была эвакуирована в Казахстан, в кумысолечебницу «Боровое», где Вернадский, несмотря на трудности быта и преклонный возраст, закончил свою книгу жизни «Химическое строение биосферы Земли и ее окружения». В «Боровом» жили и другие известные ученые, академики Л. И. Мандельштам, Л. С. Берг и другие. Советская власть считала необходимым сберечь этих выдающихся ученых (Волков, 2007).

Но самыми главными источниками информации об идущей войне были, во-первых, раненые в большом эвакуогоспитале в Казани (Варламов и др., 1985), где

моя мама работала сначала начальником медицинской части, а позже начальником этого госпиталя. Многие родственники моих сверстников также работали в госпиталях. Во-вторых, это родственники и знакомые, вернувшиеся после окончания войны. И, в-третьих, реакция на ту войну и на нас, «эвакуированных», местного населения. Я тогда воспринимал все эти перемены очень остро, особенно тогда, когда попадал в среду тех, кто жил по принципу «кому – война, а кому она мать родна».

Я с родителями вернулся в Москву в мае 1943 г., т.е. еще за два года до окончания войны. Конечно – это была уже совсем другая городская и частная жизнь, нежели в критические моменты октября 1941 г. Но карточная система снабжения населения осталась, а с ней остались и все, кто был причастен к этой системе «рационирования». Карточная система была необходима, но одновременно она фиксировала различия в социальном статусе людей, не говоря уже о том, что для воров появился еще один источник поживиться за счет тех, кто трудился день и ночь.

Но сначала – несколько слов о переменах в жизни подростка после прибытия на новое место и длительной болезни. Примечательно, что те подростки, которые ранее жили в комфортабельной московской среде, в эвакуации сплошь и рядом болели, иногда – очень тяжело. А, вот, моя будущая жена, которая в предвоенное время жила с семьей на Дальнем Востоке, и вначале 1942 г. вернулась в холодную и голодную Москву, смогла быстро адаптироваться к этим иным социальным и природным условиям.

Я же после насыщенной и разнообразной московской жизни – в моей «большой семье» были самые разные люди, от врачей, научных работников и музыкантов и до известных на всю страну полярных исследователей, – в эвакуации после долгой болезни я оказался предоставленным самому себе в совершенно незнакомой для меня социальной среде. Начиная от жильцов той

огромной коммунальной квартиры, в которую нас вселили, и до столь же незнакомой жизни двора и улицы. И мне надо было адаптироваться к этой совершенно новой для меня среде обитания. Это был очень полезный для меня урок самостоятельности. Сегодня, оглядываясь назад, думаю, что именно этот, военный период потом «сделал» меня потом социологом. И, тем более, после окончания ВОВ не только я, но и мои сверстники приобрели тот жизненный опыт, который многим из них служит до сих пор.

Страшные следы войны. То, что во время войны было всем нам голодно и холодно, это – факт, к которому постепенно привыкаешь. Хотя и до ВОВ наша семья жила достаточно скромно, я не представлял себе, что я буду жарить себе на обед картошку на воде, и что самым лакомым «сладким» будет стакан размоченного гороха. Но к этому привыкаешь, тем более что лето 1942 г. я провел в интернате АН СССР на станции Займище под Казанью, где о нас заботились, как могли, жены научных работников. Спасибо им великое за это!

Страшными следами войны я называю искореженную технику, которую привозили товарные поезда прямо с фронта, а мы мальчишки, тут же ходили смотреть на нее. Убитых в этих «следах», конечно, не было, но мы, дети этого интерната находили там не только гильзы и даже патроны, но и куски разорванного обмундирования солдат. Никакой американский блокбастер не может произвести на нас, в сущности, детей того впечатления, которое производил на нас этот непосредственный контакт с «отходами» той страшной войны.

Страшными следами войны я называю также сотни и тысячи искалеченных ею людей, т.е. инвалидов, которые появились еще во время войны и после нее в больших городах и, прежде всего, в Москве. Они были практически везде: в метро, на улицах города, но более всего – на рынках и вокруг них. Это были очень разные люди, одни просили милостыню, другие увлекали прохожих азартными играми, третьи – просто

молча смотрели на нас, живых, невредимых и здоровых.

Я не могу и не хочу комментировать послевоенную жизнь на освобожденных от оккупантов территориях страны, это давно уже сделали куда лучше меня историки и писатели, такие как, например, Василь Быков. Отмечу другое. В скорости после окончания ВОВ, появились писатели, которые писали про войну правду, как, например, писатель Виктор Некрасов в своей книге «В окопах Сталинграда».

Раненые, улица, двор, дом. Раненые – это самая крепкая и светлая память о той войне, конечно, не считая Дня Победы. Я ходил к маме в госпиталь почти каждый вечер. Мама мне оставляла свой ужин, винегрет, который я тут же съедал, а потом я шел или в палаты к раненым, или в зал на первом этаже, где показывали по вечерам кино. Я садился на пол или на скамейку в первом ряду и чувствовал себя защищенным этим множеством незнакомых мне молодых людей, которые относились ко мне с неподдельной лаской. А если удавалось собрать кулек конфет или десяток папирос, я раздавал их лежащим раненым.

Я понимал, что постепенно прибудет еще и еще один обоз с ранеными, и эти уйдут и привезут других. Но ощущение себя как части этого мужского коллектива успокаивало меня необычайно. После госпиталя я мог несколько дней быть совершенно один, читая «Тайна двух океанов» Г. Адамова. Именно благодаря этой книге я выучился читать, а потом и писать.

Моя родная сестра Ирина, работавшая лаборанткой в том же госпитале, когда кино не было, ставила короткие инсценировки по рассказам А. П. Чехова, что приводило раненых в восторг, опять же потому, что до того в театре они никогда не были. Эти люди, знавшие, что завтра их могут послать обратно на фронт, были чрезвычайно благодарны сестре ее подругам за такие театральные постановки. Но однажды вышла «неувязка»: двое молодых раненых решили навестить мою сестру дома, что строжайше

запрещалось. Так эти молодые ребята выпрыгнули в окно, это был первый этаж, но довольно высокий. Слава Богу, все обошлось, они остались целы и невредимы.

Улица и двор. Как только нас «вселили», у наших окон собралась небольшая группа молодых людей, бросавших в окна большие камни и кричавших: «Вот придет немец, он вам покажет!». Но это было всего раз или два. Прохожих на улице было мало, иногда приходил татарин, продававший масло собственного изготовления. Никогда не ел ничего более вкусного!

А так днем улица обычно была пуста, но однажды меня, московского «незнайку», местные мальчишки моего же возраста подговорили сбросить пару кочанов капусты с обзов, периодически шедших по нашей улице. Я попробовал, но получил по шапке-ушанке удар кнутом такой силы, что шапка лопнула пополам. Этот урок «улицы» я запомнил на всю жизнь.

Тем не менее, в городе был порядок, хотя никакой милиции я не видел, и я спокойно мог возвращаться из госпиталя домой поздним вечером. Во дворе нашего дома никакой специфически «дворовой жизни», как это было в городах и как показывали в послевоенных кинофильмах, не было, все жили по своим углам.

Дом. Это был большой особняк, в годы советской власти переделанный под множество коммунальных квартир, но это были не те московские коммуналки с общей большой кухней, общими разговорами, детьми, ползающими или играющими в общем коридоре, в общем, где все про всех все знали и друг другу помогали, чем могли. Нет, здесь была пустующая общая кухня, а за ней длинный темный и тоже пустой коридор с множеством комнат и каморок. Так что мы практически ни с кем не общались, но обворовывали нашу семью регулярно, полагаю, что в одной из таких комнат жил наводчик.

В скорости я смог убедиться в этом, спустившись ради любопытства в подвальный этаж. К моему удивлению, я нашел там некое подобие общежития с нарами в два

этажа и длинным общим столом, над которым горела лампочка без абажура. Я был сильно испуган, когда ко мне подошел здоровенный дядька и спросил: «Что тебе, малый, здесь нужно?». Я смог вымолвить только одно слово: госпиталь, госпиталь... К моему удивлению, он насобирал и дал мне кулек с конфетами и папиросами, который я тут же отнес раненым в госпиталь.

Победа и после нее. В мае 1943 г. мы вернулись домой, в свою собственную квартиру. Вернулись именно в нее, а не остались на улице, потому что наша няня Анна Васильевна Ткалич, никуда не уехала, а работала кочегаром в котельной 2-х кооперативных домов. Сразу после окончания ВОВ постепенно и те, кто воевали, стали возвращаться.

Сказать, что это были другие люди, значит, ничего не сказать. Они не только прошли огонь и воду, но стали людьми с иным кругозором. Оказалось, что «бедные» румынские и болгарские крестьяне живут лучше, чем наши советские. У большинства из них каменные дома, ухоженная скотина, часы, радиоприемники, велосипеды и многое другое, чего красноармейцы из деревни никогда не имели и даже не видели. Естественно, у них возникал вопрос: почему так? Почему у них есть, а у нас нет? И советская пропаганда, утверждавшая, что все это у них награбленное или созданное трудом советских или западных военнопленных, здесь успеха не имела.

Но дальше было еще сложнее, потому что значительное количество советских войск оставалось не только в Германии, но и во всех тех странах, которые потом вошли в содружество стран социалистического блока. Некоторые бывшие военнослужащие прослужили еще 2-3 года, а другие остались там работать в советских учреждениях. Кроме того, начался процесс «репарации», т.е. разборки и вывоза в Советский Союз промышленного и иного оборудования. А, значит, приехали в Германию специалисты, которые увидели, сколь мощной и технически оснащенной была германская «военная машина». Наконец, мою сестру

Ирину мобилизовали на работу переводчиком в Советскую военную администрацию в Германии, и она там проработала почти год, объездив со своим начальством всю Германию. В 1948 г. отец был в служебной командировке во всех странах будущего советского блока. Когда все они вернулись обратно, даже по их разговорам и внешнему виду, можно было судить, насколько они удивлены увиденным там. Конечно, они подписывали соответствующие бумаги «о неразглашении», но они, радуясь со всеми нашей Победе над фашизмом, понимали, насколько трудной и напряженной будет работа по восстановлению не только индустрии, но и всей инфраструктуры той части страны, которая была временно оккупирована врагом. А тут еще засуха 1946 г. прибавила всем забот.

Особо мне запомнилась Любовь Ивановна Стогова, дочь репрессированных родителей. Она пошла на фронт простой санитаркой, а когда она вернулась в Москву, мы все ахнули: вся ее грудь была занята боевыми наградами и медалями. Оказывается, Любовь Ивановна не только стала военврачом, но не раз водила солдат в атаку.

Все были вдохновлены встречей с семьей, родными и близкими, а также предстоящей работой. И вот здесь возник некоторый диссонанс между их военной выучкой, огромным жизненным опытом, желанием применить свои знания и умения в мирном труде, и той бюрократизированной атмосферой, которая сложилась к тому времени на некоторых предприятиях и вузах. Советская власть, опасалась, что эти бывалые люди начнут устанавливать в мирной жизни свои порядки. А как же тогда годовые и пятилетние планы, утвержденные на самом «верху»?

И вот тут образовалась «развилка»: одни сумели приспособиться к ритму производственной и общественной жизни, став изобретателями и рационализаторами, другие – нет, а третьи просто спились. Я не раз обсуждал эту тему с врачами-психиатрами, и они были единодушны в том, что психологический груз той войны далеко не всем

был под силу. Это была еще одна, отложенная плата многих советских людей за невероятно тяжелый труд военных и первых послевоенных лет. Среди подобных людей был и муж моей сестры, прошедший всю войну танкистом. Тот, кто хоть раз влезал внутрь танка, знает, как невероятно физически и психологически трудно не просто быть в нем, а вести бой, находясь в этой тесной бронированной, но уязвимой машине.

И еще один важный вывод. Мои сверстники и я получили урок социальных отношений. До начала ВОВ большинство из нас, детей и подростков, жило в среде московской интеллигенции, образованной и относительно обеспеченной. ВОВ изменила наше мировоззрение. Мы поняли, что такое бедность, жизнь впроголодь, безотцовщина и, главное, что такое война.

Моя мама, которая была из бедной семьи, знала цену образованности и благополучия и потому постоянно подавала нам пример благотворительности и соучастия, периодически раздавая одежду, обувь и другие предметы быта, которые мне дарили знакомые и родственники. Другой урок жизни мои сверстники и я получили от наших нянь, которые приходили на помощь в самые трудные дни нашей жизни. Наконец, мы поняли, что есть совсем другая жизнь, которая заставила таких как мы, стать совсем другими людьми.

Перманентная гражданская оборона. Если все мы сегодня фактически живем в состоянии «медленной» войны, то и защита от нее должна иметь постоянный и всесторонний характер. Пока что наше общество не умеет должным образом отвечать на подобные вызовы. На мой взгляд, тому есть две основные причины.

Одна – это плохое, т.е. недостаточное, одностороннее или медленное следование утвержденным правилам и нормам гражданской обороны. Причем, речь идет не о тех случаях, когда в одно месте и в одно время собирается масса людей. Это могут быть колы, учреждения, торговые центры и многие другие места скопления людей. У нас,

как всегда, в инструкциях одно, а в реальной жизни или совсем другое, или просто их неисполнение. В общем, известный принцип, «Авось и на это раз пронесет!».

Другая – это хакерская или иная атака, когда неизвестный предупреждает: «в вашем здании заложена бомба!». А когда она взорвется, никто не знает. Во время ВОВ была такая специальная служба ВНОС, что расшифровывалось как «Воздушное наблюдение, оповещение и связь». Неужели российские специалисты в области информационных технологий неспособны изобрести что-нибудь подобное? И, главное, на этом хорошо заработать! Снова вспоминаю послевоенные годы. Война уже окончилась, а оборудованные всем необходимым убежища в подвалах многоэтажных домов сохранялись в «боевой готовности».

Но задача стоит много серьезнее: не только военные, но и мирное население должно сегодня пребывать в полной готовности к чрезвычайной ситуации. Как это сделать – комплексная задача для всех наук, включая военные. Разрешима ли она? Ответ очевиден: посмотрите на китайцев, которые сегодня быстро и профессионально борются с распространением коронавируса, несмотря на огромные размеры страны и ее населения.

Отставание социологии от идущих перемен.

Сколько лет существует советская и российская социология, столько времени она избегает изучения ВОВ и войны как особого междисциплинарного явления и ее социальных, психологических, природных и технологических последствий. В лучшем случае, например, в 1990-х гг. отдельные российские социологи пытались работать с военными архивами времен ВОВ, однако социологии войны как самостоятельной дисциплины за редким исключением, так и не возникло (Kaldor, 2012; Yanitsky, 2015). Военная социология как наука, изучающая этот социальный институт, быстро возникла в середине 1970х гг., но также быстро исчезла с научной арены.

Я понимаю Э. Дюркгейма и других основателей социологии как науки, им было не до того, они создавали новую отрасль гуманитарного знания. Но это же было более 100 лет тому назад! Это тем более удивительно, так как прошлая и современная политэкономия трактует войну как одну из форм рыночной конкуренции только иными, более жестокими средствами. За годы после окончания ВОВ и Второй мировой войны и до наших дней произошло, по разным подсчетам, более 350 больших и малых войн. И это – только те войны, которые можно было зафиксировать визуально или с помощью новейших технических средств. А еще есть искусственно созданные военные конфликты, «замороженные» и тлеющие конфликты и т.д.

Сегодня, когда весь мир пронизан и охвачен плотной сетью информационно-коммуникационных сетей, старая «дихотомическая методология» разделения социальных, политических и иных событий любого масштаба и их динамики на мы-они, ближе-дальше, лучше-хуже, быстрее-медленнее» и т.п. уже непригодна. Весь мир, и мы с вами, живем в вероятностном, нелинейно развивающемся и потому труднопредсказуемом глобальном мире. С появлением информационных технологий, практически мгновенно связывающих две или несколько точек, удаленных друг от друга на десятки тысяч километров, понятия «фронт» и «тыл» теряют свой смысл.

Говоря технологическим языком, происходит «инверсия пространства», когда последнее практически уничтожается мгновенным воздействием на намеченную цель. В современной социологической теории это называется силой слабости, когда один или серия мгновенных информационных импульсов может разрушить некоторый объект, сколь угодно большого размера и на любом расстоянии. Поэтому совсем не случайно на первое место в современных войнах до вчерашнего времени выходило «подлетное время» баллистической ракеты. А сегодня уже на первое место в

ряду глобальных опасностей претендует китайский коронавирус. Поэтому отечественная социология, если она хочет идти в ногу со временем, должна как можно скорее менять свою прежнюю, т.е. арифметическую методологию, на современные, нелинейные и вероятностные методы исследования. Иначе мы, социологи, и представители естественных и технических наук просто перестанем понимать друг друга.

Заключение (Conclusions). Время той Великой войны и после нее – это время быстрого взросления не только детей и подростков, но также всех тех, кто, жил и работал в тылу, снабжая фронт всем необходимым. Рискну утверждать, что все население СССР до и после войны – это, в известном смысле, «разные люди», ставшие после нее более знающими, опытными и внутренне повзрослевшими. В ту войну население СССР вступило как преимущественно крестьянская страна, а те, кто вернулся домой, вышли из нее, обладая огромным военным, научным и житейским опытом. ВОВ – это был качественный социальный и психологический перелом. Более того полагаю, что ВОВ – это важнейшая точка отсчета жизни каждого последующего поколения нашей страны, включая нынешнее поколение молодых, хотя они ничего не хотят знать о той страшной войне.

К сожалению, это молодое поколение не понимает или не хочет понять, что если начнется новая мировая война, неважно ядерная, электромагнитная или биологическая, то спрятаться от нее будет уже некуда, так как это будет тотальная мировая война.

Именно по похожим причинам в послевоенный период была организована большая «зачистка» советского общества от всех тех, кто имел в отношении ВОВ и ее последствий свою точку зрения. Эта «зачистка» затронула все слои советского общества, независимо от чинов и званий, и этот процесс продолжался вплоть до кончины Сталина в 1953 г. И вероятно по той же причине далеко не все архивы, касающиеся периода ВОВ, до сих пор не рассекречены. И это был еще один ее урок.

Читатель может сказать: сегодня именно большие города являются главной мишенью в той «гибридной» войне, которую ведет против нас «вероятный противник». Верно, но уже тогда, более 80 лет назад, Москва, Ленинград и Сталинград были главными мишенями немецко-фашистских захватчиков.

Уже первая мировая война проявила свой гибридный характер. Современная война не только ядерная, климатическая или биологическая, но войны информационные, торговые, санкционные и все другие – это гибридные формы современной войны. Эта война идет повсюду: на международных конференциях и съездах, посредством манипуляции временными соглашениями и решениями, путем информационного или реального устрашения вероятного противника и т.д. Как оказалось, противостояние социалистической и капиталистической систем оказалось ничуть не лучше, чем противостояние разных субъектов капиталистического миропорядка.

В условиях всеобъемлющей «Интернет-галактики» (Castells, 2004) разрушительная информация способна распространяться практически мгновенно, но человек уже создал множество фильтров для нее. Но вирусная инфекция может распространяться множеством способов и в самых разных средах. *Не значит ли это, что вирусная инфекция более разрушительна, чем информационная?*

С каждым днем ситуация становится еще серьезнее. Коронавирус уже потряс всю мировую экономику, нарушил баланс геополитических сил, вызвал приступы национализма и ксенофобии в нескольких странах. Хотя, пока что, это – очаговая эпидемия, с которой власти и медицина Китая успешно борются, но никто не знает, что будет дальше. И это – уже не просто еще один «урок», а глобальное предупреждение. Тут без определенных мобилизационных мер и соответствующей подготовки к ним не обойтись. Каких именно? Об этом надо думать сообща, военным, МЧСникам

и нам, социологам. С огромным напряжением сил наша страна победила в той войне. Сегодня перед учеными и политиками стоит глобальная задача: не дать «темным силам» развязать третью мировую войну.

Список литературы

Варламов В., Селиванов В. И., Селиванов Е. Ф. Некоторые вопросы медицинского обеспечения войск в период Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 1985. № 11.

Вернадский В. И. Дневники 1921-43 гг.: в пяти томах / отв. ред. В. П. Волков. М.: Наука.

Волков В. П. Поздняя дружба // Человек. 2007. № 1. С. 168-174.

Отто Юльевич Шмидт в истории России XX века и развитие его научных идей / отв. ред. А. О. Глико. М.: ФИЗМАТЛИТ, 2011.

Жигунов Е. К. Великая Отечественная война 1941-45 гг. События. Люди. Документы / Под общ. ред. О. А. Ржешевского. М.: Политиздат, 1990.

Корякин В. С. Отто Шмидт. М.: Вече, 2011.

Матвеева Л. В. Отто Юльевич Шмидт. Киев, 2006.

Стогова Л., Стогова А., Ермакова А. Пермь, Кобяк. Семейная хроника. Пермь: ООО «Раритет-Пермь», 2001.

Яницкий О. Н. Семейная хроника. 1852-2002. 2-е изд., расш. М.: TAUS. 2012.

Castells M. The Internet Galaxy. Reflections on the Internet, Business, and Society. Oxford: Oxford University Press, 2004.

Kaldor M. New and Old Wars: Organized Violence in a Global Era. Cambridge: Polity Press Ltd., 2012.

Yanitsky O. Are the Sociologists Well Prepared to the Modern War? // Journal of Social Sciences Research. 2015. Vol. 6, № 3. Pp. 1090-1098. URL: http://cirworld.com/journals/index.php/jssr/article/view/3680/pdf_99 (дата обращения: 12.02.2020).

References

Varlamov, V., Selivanov, V. I. and Selivanov, E. F. (1985), "Some issues of medical support for troops during the Great Patriotic War", *Voенно-istoricheskiy zhurnal*, (11). (In Russian)

Vernadsky, V. I. *Diaries of 1921-43: in five volumes*, in Volkov, V. P. (ed.), Nauka, Moscow, Russia. (In Russian)

Volkov, V. P. (2007), "Late friendship", *Chelovek*, (1), 168-174. (In Russian)

Otto Yulievich Schmidt in the history of Russia of the twentieth century and the development of his scientific ideas (2011), in Gliko, A. O. (ed.), FIZMATLIT Moscow, Russia. (In Russian)

Zhigunov, E. K. (1990), *The Great Patriotic War of 1941-45. Events. People. Documents*, in Rzheshesky, O. A. (ed.), Politizdat, Moscow, Russia. (In Russian)

Koryakin, V. S. (2011), *Otto Schmidt*, Veche, Moscow, Russia. (In Russian)

Matveeva, L. V. (2016), *Otto Yulievich Schmidt*, Kiev, Ukraine. (In Russian)

Stogova, L., Stogova, A. and Ermakova, A. (2001), *Perm, Kobyak. Family Chronicle*, Raritet-Perm, Perm, Russia. (In Russian)

Yanitsky, O. N. (2012), *Family Chronicle. 1852-2002*, TAUS, Moscow, Russia. (In Russian)

Castells, M. (2004), *The Internet Galaxy. Reflections on the Internet, Business, and Society*, Oxford University Press, Oxford, UK.

Kaldor, M. (2012), *New and Old Wars: Organized Violence in a Global Era*, Polity Press Ltd., Cambridge, UK.

Yanitsky, O. (2015), "Are the Sociologists Well Prepared to the Modern War?", *Journal of Social Sciences Research*, 6 (3), 1090-1098, [Online], available at: http://cirworld.com/journals/index.php/jssr/article/view/3680/pdf_99 (Accessed 12 February 2020).

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Oleg N. Yanitsky, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Institute of Sociology, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences.

Яницкий Олег Николаевич, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.